

Чем примечателен Экс-ан-Прованс, кроме старинной архитектуры? Главное – своими традициями меценатства. ...Более пяти веков назад, в эпоху, когда город был столицей графства Прованс, здесь жил один удивительный человек поистине ренессансовского масштаба – граф Прованский, которого в народе “попросту” величали добрым королем Рене. Полiglот и математик, поэт и художник, расписавший своими фресками местный собор, он был к тому же композитором и музыкантом, владевшим различными инструментами. По его велению в Эксе устраивались многолюдные праздники музыки и танца, где сам он был первым “заводилой”. Славному королю Рене благодарные горожане воздвигли памятник на главной улице, и молодежь любит вечерами собираться возле него под сенью платанов, чтобы помузицировать и просто “расслабиться”. Не знаю, поставят ли когда-нибудь памятники нынешнему мэру города господину Жан-Франсуа Пишералю. Но бесспорно одно: он – продолжатель старинной традиции поощрения и поддержки талантов в области искусств. И очередным проявлением этого стал финал истории, разыгравшейся более двух лет тому назад и больно коснувшейся хореографа Анжелена Прельжокажа и руководимой им танцевальной труппы...

Анжелен Прельжокаж

СУДЬБЫ

Елена КАРАСЕВА

История довольно драматичная. Прельжокаж – очень сильный постановщик, возможно, единственный из французских хореографов “новой волны”, кому удалось органично соединить в своем творчестве подлинную современность и виртуозную “балетность” и кому по плечу большие, массовые спектакли (москвичи и петербуржцы могли убедиться в этом в 1994 году, когда он привозил к нам программу “В честь Дягилева”). И труппу он собрал под стать своему творческому размаху – крепкую, высоко-профессиональную. Довольно долгое время у нее не было постоянного пристанища и достойного статуса. Поэтому, когда наконец Прельжокаж был назначен директором Национального хореографического центра в Тулоне, его коллектив торжествовал. Но вскоре случилась та самая драма. В результате выборов в местные органы власти мэрию Тулона возглавил представитель партии крайне правых, руководимой одиозным Ле Пенем. К тому времени у хореографа и его танцовщиков в этом городе имелись весьма комфортные условия для работы, большинство из них уже успели перевести сюда свои семьи, обзавестись жильем, словом, осесть. И, невзирая на эти обстоятельства, Прельжокаж совершил сенсационный поступок: громко, пуб-

лично заявил, что в знак протеста против нарастания правого экстремизма в стране отказывается сотрудничать с новым муниципалитетом и покидает Тулон. Результатом стали, с одной стороны, уважение и моральная солидарность многих известных людей культуры, с другой – вновь “бесприютность” его труппы... После долгих месяцев неопределенности и растущего нервного напряжения выход был найден: свое гостеприимство труппе предложило руководство города Экса.

– Мы были счастливы, что отыскивали возможность в трудную минуту помочь такому замечательному мастеру. И для нас большая честь, что сегодня он – постоянный житель нашего города, где, надеюсь, ему и всем его артистам дышится легко и свободно, где никто не диктует художникам, что и как создавать...

Так говорил мне мэр Экс-ан-Прованс Жан-Франсуа Пишераль. А познакомились мы с ним на премьере “Ромео и Джульетты”, которой в сущности и ознаменовалось начало “эксовской” эпохи в жизни балетной труппы... У этой постановки любопытная судьба. Впервые хореограф осуществил ее пять с лишним лет назад с танцовщиками Лионского театра оперы и балета. Тогда его вольное обращение с классическим либретто и партитурой Сергея Прокофьева шокировало и вызвало массу недоуменных вопросов. Теперь, когда он возвратился к старому спектаклю уже со своей собственной труппой, создав его обновленную версию, реакция публики была совер-

Верона,

Культура - 1997 8 февр. - с. 14-15

шенно иная. Если и возник шок, то только положительный и чисто эмоциональный – зал в конце спектакля буквально ревел от восторга.

В чем же дело? Что так изменилось за сравнительно малый срок: сам балет или его восприятие? За разъяснением я обратилась к Анжелену, с которым мы хорошо знакомы.

– Конечно, зритель во Франции эволюционировал вместе с самим современным танцем и к тому, что пять лет назад ему казалось недопустимой дерзостью, сегодня относится с симпатией и даже восторгом. Ему стал понятен и близок этот хореографический язык. Главное же, стало понятно, что и шекспировский сюжет, и музыка

Сергея Прокофьева – это не какие-то неприкосновенные памятники, с которых надо сдувать пылинки, стоя на почтительном расстоянии, а живые творения.

Прельжокаж по паспорту француз. А по крови – албанец. Еще при нашей первой встрече в Москве меня потряс его рассказ о том, как его отец и мать бежали из Албании холодной зимой 1956 года, тайно, под покровом ночи, перейдя границу. Им повезло – их не заметили, не схватили. Они добрались до Франции, и Анжелен, преодолевший этот смертельно опасный путь в чреве матери, увидел свет и вырос уже под другим небом. Но, как он мне признался, “генетическая связь с прошлым остается очень крепкой”...

Его вариант шекспировской трагедии рождался, несомненно, под впечатлением пережитого родителями и другими беженцами из соцстран. Потом он открыл для себя роман Дж.Оруэлла “1984”. И это тоже нашло отзвук в сюжетном и постановочном решении балета. Его действие перенесено в некий футуристический метрополис, где всем заправляет так называемый класс номенклатуры, осуществляющий свою власть с помощью мускулистой милиции во главе с Тибальдом. Джульетта – дочь одного из могущественных номенклатурчиков. А Ромео – член маргинальной, “бомжовой” общины, которая существует на самом дне общества, ненавидя и презирая власть, но в то же время стараясь не попадаться лишней раз ей на глаза...

Афиша к спектаклю. Художник – Эрки Биалы

ПОХОЖАЯ НА ЗОНУ

телей. Хореография Прельжокажа очень выразительна. Но при этом она до крайности сложна и просто-таки изнурительна для танцовщиков – в особенности исполняющих заглавные партии.

– Физическая напряженность несет в себе определенный смысловой заряд, – развивал свою мысль хореограф. – Она заставляет зрителя “кожей” почувствовать, как трудно дается этим двум молодым людям их любовь, как они изматываются, пытаются преодолеть непреодолимое, как они летят к фатальной развязке...

Вместе с Прельжокажем над балетом и пять лет назад, и сейчас работал еще один выходец из Восточной Европы – художник Энки Билаль. Его родина – Югославия, откуда его увезли 10-летним мальчиком. Его стихия – комиксы, где он достиг вершин мастерства и сегодня числится среди самых “интеллектуальных” авторов, выводящих массовый жанр на уровень настоящего искусства. Его стиль – жесткость, энергия, графическая очерченность и заостренность... Неудивительно, что эти два человека отлично “спелись”.

– Для меня, как и для Анжелена, антиутопия Оруэлла – нечто очень близкое. Я ведь тоже родом “оттуда”, – признался он мне на открытии своей персональной выставки, приуроченной к премьерному показу новой версии “Ромео и Джульетты”, – и продолжаю носить в себе этот тоталитарный мир. Надо сказать, что при всей своей фантастичности он обладает – даже на большом временном и географическом удалении – каким-то гипнотическим воздействием на художника. Видимо, таков один из парадоксов жизни: “ад” питает и стимулирует творчество, а “рай”, каковым часто именуют Запад, расслабляет и усыпляет.

В начале 80-х годов Билалю удалось на своей машине совершить автопробег через страны Восточной Европы и по городам СССР, что, видимо, здорово подогрело его творческое воображение. В результате появился на свет альбом “Поездка на охоту” – “страшилки” про то, как однажды съехались в заповедник поохотиться на диких зверей представители номенклатуры со всего соцлагеря, а в конце, устроив пирушку, принялись отстреливать друг друга.

– Прельжокажу этот ставший бестселлером альбом служил вроде как настольной книгой. Поэтому он и позвал меня оформлять свой балет, считая, что здесь я смогу развернуться. И был прав... Шекспировская Верона приобрела в моей

сценографии вид некой адской “зоны”, окрашенной цветами ржавчины и стали, окруженной стеной с наблюдательными вышками и сторожевыми псами. Номенклатурных дочек я одел вычурно, в шелка, а люмпеновских сынков – в холщовые лохмотья, которыми они лихо мели сцену... Пять лет назад мне за такое оформление крепко досталось – особенно за нижнее белье Джульетты, которое сочли вульгарным. А еще очень ругали за то, как я изобразил легендарных влюбленных на плакате и на брошюре: “Что за чувственность, как не стыдно!” А как же без чувственности? – недоумевал я. И как можно видеть современную Джульетту наивной недотрогой – девушки ее возраста в наши дни, как правило, хорошо просвещены в вопросах секса... Сегодня публика созрела, чтобы принять мою точку зрения...

И все-таки, что изменилось в общей концепции спектакля? Не забудем, что он предстал сейчас перед зрителем в новой версии, отличной от прежней.

– Главное отличие, – объяснил мне Прельжокаж, – состоит в том, что и Энки Билаль, и я раньше отталкивались от конкретной ситуации в Вос-

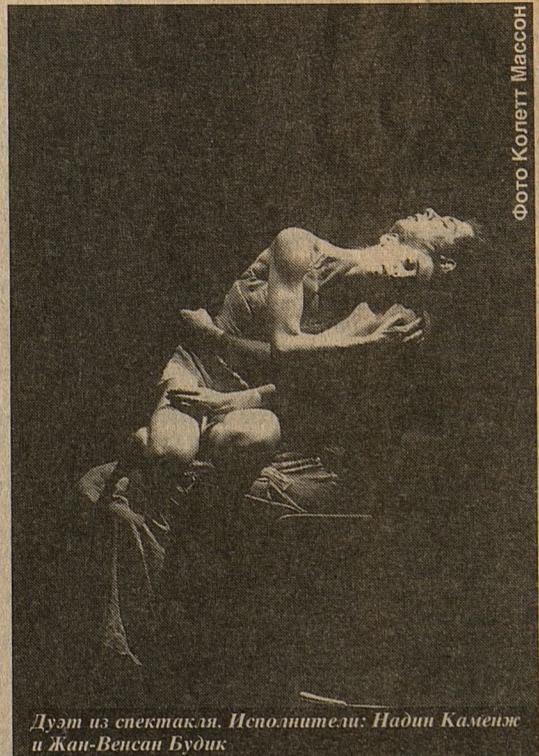
точной Европе и в СССР. И, кстати, мечтали привезти балет в вашу страну. Теперь мы скорректировали свое послание, обобщив его и адресовав всем реальным или потенциальным диктатурам, всякому экстремизму – в том числе и тому, который бытует на Западе и с которым я столкнулся лично... Это нашло отражение и в хореографии, и в сценографии. Неизменной осталась лишь мечта показать спектакль в России!

В тот премьерный вечер роли Ромео и Джульетты исполняли Жан-Венсан Будик и Надин Каменж. В жизни они тоже пара. На другой день я увидела их идущими в обнимку: симпатичные ребята, не отличающиеся от сотен их сверстников, бродившие, взявшись за руки, по улицам Экса, никем не узнаваемые. Не верилось, что накануне они такое творили с залом. До них самим, похоже, не очень-то доходило, насколько созданное ими грандиозно. Расспросы о творчестве их явно смущали и тяготили.

– Мы не “звезды”, мы просто члены труппы, где все равны и каждый может сегодня быть третьим, а завтра первым... Как относимся к классике? Положительно, но сами туда уже больше не

Сцена из спектакля “Ромео и Джульетта”

Дуэт из спектакля. Исполнители: Надин Каменж и Жан-Венсан Будик

вернемся: в современном танце острее чувствуешь связь с окружающим миром, можешь говорить от своего лица... Как давались шекспировские образы? Технически порой очень трудно – Анжелен ставил перед нами сверхзадачи, а эмоционально – легко: мы ведь любим друг друга!

И они весело продолжали свой путь.

... Так вы спрашиваете, чем примечателен Эксан-Прованс? Отвечаю: тем, что сегодня там живут Ромео и Джульетта. Только они принадлежат к одному клану – танцевальному клану Анжелена Прельжокажа. И потому у них все складывается удачно.

Колетт Массон – самая известная из французских фотографов, снимающих танец. Мне повезло: когда я брала в центре Экса интервью у Прельжокажа, она проходила мимо – ну бывают в жизни такие совпадения! Колетт, достав аппарат, попросила разрешения поснимать хореографа. А я попросила прислать мне несколько снимков. Колетт была так любезна, что к портретам Анжелена, сделанным в тот момент, добавила свои снимки спектакля. За все это ей спасибо! – Е.К.

ЭКС-АН-ПРОВАНС – МОСКВА